

Женя Силин

Дешевая литература

Женя Силин

Дешевая литература

«ЭКСМО»

2020

Силин Ж.

Дешевая литература / Ж. Силин — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-117786-7

Удивительная история молодого питерского врача, который отправляется в Англию в поисках лучшей жизни и ускользающей свободы и переживает яркое любовное приключение с индианкой. Звучит как заголовок Ленты.ру, но жизнь порой бывает причудливее любых «жарких» новостей.

ISBN 978-5-04-117786-7

© Силин Ж., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

В качестве предисловия	5
Часть первая. Обучение	6
Глава первая, в которой я такой мягкий	6
Глава вторая, в которой я иду в шарагу	11
Глава третья, в которой я знакомлюсь с дикой природой	14
Глава четвёртая, в которой я заболеваю	19
Глава пятая, в которой я пью на охоте	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Женя Силин

Дешёвая литература

В качестве предисловия

Эта история началась, да и закончилась, в довольно странное время. Написание происходило в режиме онлайн, прямого эфира. Все ляпы я записал, виражи не планировал заранее, а чем закончится, и сам не знал. Ах да, чуть не забыл, посвящается моему другу РА и моему деду АБ. Они оба любили жизнь вопреки здравому смыслу.

Часть первая. Обучение

Глава первая, в которой я такой мягкий

Как я и сказал, время выдалось странное, и моему поколению вдруг стало нечего терять. Кого бы я ни встретил, каждый в свои 25–30 всё ещё искал себя, эволюционируя в блогера, дизайнера, маркетолога или другого творческого нонконформиста. Подобная трансформация помогала слабо, и мы искали... и искали... и вновь искали себя. Вечно возвращаясь и повторяясь к немоу восторгу старины Фридриха. Терять нам и вправду стало нечего, кроме цепей: ноутбука, смартфона, ненавистной работы, мужей, жён и ещё молодости, которую не замечали. Всем нам не хватало то ли репрессивной системы, то ли мировой революции, то ли великой цели, то ли просто денег. Понять было сложно. И я не понимал.

Самое забавное, что весь этот кавардак приключился с нами только из-за неудачно выбранного момента. Дело в том, что момент, когда мы появились на свет, вообще не располагал для таких авантур, как деторождение. Двадцатый век отторг нас, будучи в предсмертной агонии, выплюнул из влагалищ бывших пионеров и не дал ничего взамен. Homo soveticus утратили великую империю и впали в глубокий экзистенциальный кризис, попутно, чаще поневоле, эти homo стали нашими родителями. К своим двадцати пяти они уже не искали себя, нет. Они рожали, рожали, рожали нас... Достаточно бездумно и легкомысленно, если рассудить, ведь дело было не хитрое – взять да родить, а жить предстояло нам.

После нашего рождения история известная: мы жили как могли, а как не могли – тоже жили. Повзростали сорняками на земле Русской и, напоминая керуаковских героев, скитались из глубинки в Питер/Москву и обратно.

Я тоже вырос в глубинке, на севере. Мать с отцом работали каждый на двух работах, поэтому я переехал в Питер, выучился на врача. Устроился терапевтом за тридцать пять тысяч рублей в месяц в районную поликлинику, и жизнь моя стала днём сурка по имени Иван Денисович. Парадокс: в то время вокруг нас всё ещё разлагалась советская система и пахло старостью, прям отчетливо пахло Владимиром Путиным. От этого запаха крысы бежали с корабля, и я последовал их примеру.

Первым делом попрощался. В моменты прощаний улыбка моя кислая, точно у девки, которую ты целуешь сразу после кунилингуса. Девушка, может, и не протестует, но что-то между вами уже не то и никогда не будет как прежде. После моих прощаний точно так же – как прежде уже не будет.

Я стоял во дворе своего дома в Петербурге, прощаясь с другом детства перед долгой разлукой. Лето тогда выдалось холодным, меня немного потряхивало, несмотря на количество выпитого. Тело зябло.

Мой друг протянул руку, обнялись. Его жена тогда сказала: «Ой да ладно вам уже». Я понимал, что она хотела поддержать нас, но прозвучало немного обидно.

Пожали руки. В рукопожатии перед разлукой чувствуешь кожу другого человека. Сухая. В груди насквозняке болталась лампочка и постепенно перегорала. На следующее утро я улетел из России.

* * *

Я – только точка времени в пространстве. В местах, где меня нет, времени не существует. Стоит закрыть за собой дверь, и всё.

Моё присутствие в три часа дня 14 июля 2017 года обнаружилось в аэропорту города Веллингтон, Новая Зеландия. Я был с женой. Пилигримы двадцать первого века, заново открывающие новый свет. Мы стояли с сумками, натирающими ладони, ноги в кроссовках вспотели, и наши ступни влажно холодели в предвкушении дорог не пройденных. Мы чем-то напоминали саму Россию: слишком хорошо одеты, слишком пыжились показать, чего стоим в цивилизованном мире, построенном англосаксами.

Иммиграция моего поколения – нечто качественно новое. Ни белая, ни советская, ни диссидентская, мы вообще толком и не иммиграция в старом смысле слова, даже не волна из девяностых, готовых давить и давиться, голодных и нищих.

Нет.

Мы совершенно иные. Иммигрантам нашего поколения только кажется, что они спасаются с тонущего корабля, на самом же деле просто ищут себя. Экономика? Политика? Умоляю вас! Instagram – вот причина современной иммиграции. Иммигрируя, ты получаешь неиссякаемый ресурс для instagram-фоточек, что является целью жизни для львиной доли населения.

Возможно, поэтому иммигранты моего поколения не испытывают культурного шока. Никто из нас не выбирался из-под железного занавеса, никто не бежал от НКВД, поэтому с первых же дней нас встречала только простота. Просто чужая страна с чистого листа. Работающие подъёмники для инвалидов, улыбающиеся британцы, эволюционировавшие в kiwi (так себя называли местные), и дух дауншифтинга встречали с самого трапа.

Но, несмотря на простоту, первые дни в иммиграции сложносочинённые. Буквально ко всему добавляешь союзы, реальность дополняется. Ты встречаешь людей, но общающихся на разных языках, с другими правилами приличия, по-другому показывающих свою расположенность, не говоря уже о других цветах кожи, с другим запахом, другими манерами, и всё это протекает в безумном темпе, проносится мимо тебя быстрее, чем ансамбли столиц в окне такси из аэропорта к отелю.

Ну и язык. Конечно же язык.

Вы когда-нибудь заговаривали на английском впервые? Ни в классе, ни с репетитором, ни в дружеской беседе в баре, а по-настоящему? Мой дед АБ, увидев он меня говорящим по-английски в первые дни иммиграции, сказал бы: «Не можешь срать – не мучай жопу». И я был бы рад не мучить жопу, но заговорить тогда было необходимо, жизненно необходимо. Это очень неприятное чувство, когда не можешь говорить. Причём это боль в равной степени и для тебя, и для окружающих. Люди, общающиеся с тобой, они как бы видят, как ты мычишь и бьёшься в агонии, но помочь никак не могут. Им становится неловко, они пытаются слиться, а ты, как припадочный, перебираешь все времена английского языка, попутно пытаешься просунуть кончик языка между зубов, чтобы звук «th» звучал сносно. Слюни текут во рту Иорданом, мочка уха краснеет – зрелище не для слабонервных.

Короче, поначалу было крайне дискомфортно заговаривать с людьми. Мой первый же разговор с работником аэропорта напомнил первый день в школе.

Первый школьный звонок – праздник знаний, мать его так. Я стоял тогда на школьной линейке, в костюме за последние, сэкономленные батарей, деньги (а ведь он мог бы их пропить). Рука моя слишком мала и не приспособлена для формальностей жизни, еле держит огромный букет цветов. Букет тоже куплен на последние, сэкономленные матерью, деньги (а ведь она могла купить тени для век). Рука саднит, ведь букет должен показать всю серьёзность намерений моих родителей подкупить завуча сразу, прям с первого дня. Ладонь вспотела, я перехватываю уже пожухлые стебли, они потекли какой-то зеленоватой кашицей. В момент я осознаю, что букет именно такого размера, чтобы выигрышно смотреться на фоне второго подбородка будущей классной. Перехватываю букет снова, уже окончательно смирившись с тем, что рука теперь пахнет первым учебным днём.

Школа – это сраный фарс, маскарад уродцев. В первый же день там я научился ценить деньги, ибо стало очевидным, что вместо бабочки на резинке и струй пота по спине и вправду было лучше купить бухла батю и косметичку матери. «Всё, теперь ты стал школьником, ты взрослый», – улыбнулась тогда моя мама, и я понял, что это тоже ложь, но урок вынес.

– Ну не так плохо ты и говорил.

– Думаешь?

– Да, норм, хотя бы говорил. Я вообще не могла слова вспомнить. – Моя жена очень поддерживала меня в первые дни нашей иммиграции.

Какое-то время поскитавшись по выглаженным полам аэропорта, мы наконец нашли нужный выход к стоянке такси. Позже я узнал, что доехать можно было ровно за девять долларов с человека на автобусе, но тогда мы просто поймали иракца.

Ёлочки освежителя не было, ковриков на сиденьях, остро пропахших сочными пердежами, к сожалению, тоже. Уюта аэропортного такси не создавалось, зато это вернуло нас к реальности – всё, мы не дома.

Вместо стандартного набора таксиста у водителя в салоне болталась арабская вязь, картинка мечети на приборной доске, и сам он сиял золотой улыбкой. По нашему акценту он понял, что мы новая волна тех, кто с высокой вероятностью составит ему конкуренцию на линии Uber, но его это нисколько не смутило.

Я указал адрес, он забил в навигатор. Навигаторы в такси лишили иммигрантов моего поколения массы крутых историй, потому что мы просто поехали в правильном направлении. Тривиально, по выделенным motorway со средней скоростью в 100 км/час, и через пару разговоров прибыли в Lower Hutt, спальный одноэтажный район Веллингтона, где и должен был располагаться кампус моего института.

– Так вы из России?

– Да, из Санкт-Петербурга.

– О, я учился там.

– В Петербурге?

– Нет, в России! В советское время в Москву бесплатно отправляли.

По дороге этот придурок вихлял знатно, и история про замечательный Советский Союз никак не могла скрасить вождения, начало подташнивать. Он вспоминал о величии красной державы, о том, как всё было замечательно в его родной стране, пока Советы были при делах, и как он ненавидит американцев.

– А здесь?

– Что здесь?

– Здесь вам нравится?

– Да, здесь хорошо. Спокойно, хорошо. Я здесь уже четырнадцать лет.

За четырнадцать лет он научился говорить уверенно, но всё равно хуже, чем я, только сошедший с трапа самолета. В каком-то смысле, это была удачная встреча, потому что комплекс неполноценности из-за английского начал спадать.

Машина забралась на невообразимую высоту по серпантину холма и завернула в аккуратный дворик трёх домов, со всех сторон окружённый отвесными склонами и вечнозелёными кустарниками. Ветер кренил машину, а шелест листвы было слышно даже в салоне. Зима в Веллингтоне мне нравилась.

Наш иракский водитель притормозил напротив тридцать первого дома по Atahu Grove, напротив которого уже стояла миниатюрная старушка коричневого цвета в разноцветной рубашке и каких-то шароварах.

– Hi, how are you?

– Pretty good, and you? – автоматически ответила старушка и подошла чуть ближе.

– Ванида.

– Евгений.

Она чуть сморщилась и наклонилась, давая понять, что подобные лингвистические выкрутасы – это слишком.

– Юджин, друзья зовут Юджин.

Это повторить она смогла, даже с первой попытки.

– Покажите им тут всё?!

– Прошу прощения?

– Они из России. Представляете, из России к нам приехали.

Водитель закончил разгружать багаж и попытался поддержать разговор, но Ванида не ответила.

– Советский Союз. Mother Russia!

Иракец помахал нам на прощание, сел за руль, рывком уехал. Ванида спросила, откуда этот мужик родом, и добавила, что он очень странный. А мы с женой стояли на ветру, зимой, в Новой Зеландии, на краю света. Врач из Петербурга и его супруга-юрист. Вокруг холмы и зелень, милая старушка предлагала нам чаю и пройти в дом поскорее. Наши волосы были растрёпаны, а ступни затекли с самолета.

Мы с женой переглянулись. Мы улыбались друг другу. Мы добрались туда, в нашу новую жизнь, в новые приключения. Нам выпала ещё одна возможность прожить жизнь круто и не так, как все. Приключение начиналось. Мы были счастливы.

* * *

Так мы поселились на холме.

Это было наше первое пристанище, весьма временное. Моя жена валялась на диване, страдая от простуды и акклиматизации, а я рылся в интернете, подыскивая подходящие квартиры для аренды. Хотелось студию, где-нибудь в центре города, чтобы зажить не в убогой коммуналке на первом этаже шикарного дома Ваниды, а в убогой коммуналке в центре.

Жизнь наша в первые недели была сносной по меркам иммиграции. Потому что мы были сытыми потомками двухтысячных. Не нам, а нашим родителям достались и карточки продуктовые, и бандиты на улицах, и сокращения на работах, и невыплаты зарплат. Нашему же поколению достались только артефакты советской эпохи. Мы отучились в постсоветских школах, постсоветских университетах, на наш век запаса советского хватило, поэтому мы крепко стояли на ногах.

Да, мы прошли жернова множества плоских умов: через учительниц, чьё призвание унижать и карать, директрис, прокурорш, тупость и жестокость армии, гопников на улицах, наркотики по подъездам и шприцы на лестничных площадках, но всё же, в сравнении мы были сытыми детьми постсоветской эпохи.

Взращённые потреблением и комфортом, мы снимали модные квартирны через Airbnb на первое время и могли позволить себе, скопив денег и заняв у всех родственников, первые месяцы в иммиграции прожить без ужаса голодной смерти, а истории про один чемодан, связку апельсинов да двадцать долларов в кармане по прилёте в Нью-Йорк канули в Лету.

Днями я бегал по городу, по старой привычке всё время беспокоясь. Оформлял документы для института, пытался завести банковский счёт, найти жильё, а вечерами расслаблялся по-новозеландски. Милая старушка Ванида ежедневно покупала пару бутылок Pinot Noir, ставила что-нибудь съестное в духовку и всячески располагала к ассимиляции вновь прибывших. Поэтому, стоило вернуться с привычного фронта перманентного стресса, начиналась по worries.

«No worries» – это выражение kiwi сделали национальным кредо. Его использовали в качестве прощания или выражения согласия. Дословно обозначает «не волнуйся», вроде как

расслабься и be happy. Не советую подобным образом попытаться распрощаться с кем-нибудь в России, там быстро объяснят, кто тут волнуется, но в Зеландии по worries – это норма.

Ванида жила вместе с Джоном, её мужем. Очень милые люди, несмотря на промозглую погоду и собачий холод. Шах и мат, любители связи характера и климата. В таком климате русские бы не переставая ныли, а если русский человек начинает ныть, то с высокой долей вероятности становится украинцем, но в kiwi-стойка всё равно не превратится.

Алкоголь делал своё дело и в первый же винный вечер выяснилось, что Ванида переехала в Зеландию в далеком 1975-м с Фиджи. Первым делом она сменила самое главное – мужа. Старого фиджийца на новенького британо-ирландца – Джона. Джон же вырос прям там, в районе Lower Hutt, никогда не выезжал за пределы страны, а первое своё интернациональное путешествие совершил частично, пусть и лучшей своей частью, побывав белокурым пенисом в предместьях Фиджи.

Джон был милым старичком, хоть и наивным, как и все kiwi. Будучи молодым парнем, в 1976-м он не знал, что иммигрантки – это клещи. Доминантно помещая свою белую задницу промеж ляжек цвета молочного шоколада, он думал, что Ванида говорит ему чистую правду. Про грубого мужа-фиджийца, про мечты учиться на школьного учителя, про любовь с первого взгляда. Джон тогда не мог знать, но клещи все одинаковы, что из Восточной Европы, что из Азии. Они присасываются к кошельку, сердцу и мозгу и вызывают сильное чувство привязанности, в тяжёлых случаях даже влюблённости. После инкубационного периода, адаптировавшись к новому климату, клещи сбегает к более богатому лоху. А если и не сбегает, то переносят тиф – всю свою родню. Джону не повезло, с ним случился второй вариант.

Старик показывал нам тифозные фотографии с семейных праздников, где единственной белой вороной был он сам, потому что его родители никогда к ним не приезжали.

Кроме фотографий, как и любой старик, Джон любил воспоминания о юности. Мне было невдомёк, как можно проводить юность, если нет ни дворов, ни драк стенка на стенку, ни убогого обшарпанного подъезда, но Джон уверял меня, что было круто.

Он вспоминал, как мальчишками они убегали купаться в океане в любую погоду, даже ранней весной, а я не мог этого представить. На сморщенном, местами весьма припухшем от винопития лице, блуждала ностальгическая улыбка. Ему было грустно и светло от воспоминаний о былом счастье, и эти чувства мне были понятны. Чувства старика, вспоминающего прошлое. Тогда я впервые понял, что эмоции одинаковы на любом конце земного шара, но события их порождающие, – совершенно иные.

– Ещё вина?

Я вспомнил, что постельное бельё, которое Ванида заботливо выдала, пахнет бадьяном и специями. Вспомнил, как конденсат капает с оконной рамы подоконника на промокший палас, вспомнил влажные простыни у нас в комнате и не отказался от бокала густого Pinot Noir.

Потом мы с женой спустились вниз, к себе в подвальчик. Окно было почти во всю стену, и мы видели чернеющие зелёные холмы Новой Зеландии. Мы уже знали, что если подняться выше по холму, то увидим залив океана.

Моя жена покашливала. Новый свет встречал по-доброму, не без трудностей, но по-доброму. Как раз то, на что мы и рассчитывали. Денег у нас было достаточно, скопили за долгие три года в России, чтобы осуществить мечту.

Погасили свет, забрались под одеяло и через какое-то время нагрели постель, обнявшись. Ощущение физической усталости и полного морального истощения от разговоров на английском и холода вокруг сказалось, и мы провалились в сон, чтобы проснуться в новой жизни.

Глава вторая, в которой я иду в шарагу

Стоило заговорить по-английски, как я физически ощущал, что мне требуется инвалидность по причине тяжёлой речевой дисфункции. Если возможно одновременно заикаться, шепелявить, тянуть слова и мычать, то я делал всё сразу.

В первые недели в иммиграции, я попал в совершенно непривычную для себя ситуацию – я чувствовал себя жалким.

Я – ваш забитый одноклассник.

У каждого в школе был такой ребёнок, чьи родители были ущербны, поэтому мечтали сделать из ребёнка успешного человека. Дома таких детей ждал ремень за каждую тройку, поэтому их жизнь была бесконечным унижением: у доски, перед учителями, среди одноклассников. Дома из них выбивали дурь за каждую провинность, так что они были отличниками по учебе и неудачниками по жизни. Подобные истории происходят постоянно, потому что учителя и родители верят, что самое главное в жизни – решить уравнение и помнить, как звали няню Пушкина. Только это вообще не самое главное. Самое главное в жизни – чувство собственного достоинства. Но чувство собственного достоинства мешает получить золотую медаль, так что тут или – или.

Я же никогда не был таким, наоборот, всегда оставался троечником, и родителям было наплевать на оценки, поэтому ощущение неполноценности мне было не знакомо до неполных тридцати лет, пока не переехал в Зеландию. Ремень меня дома, конечно, не ждал, но чувство ущербности переполняло, стоило забыть пару слов на английском.

В первую же неделю оказалось, что кампусы моего колледжа разбросаны по районам города, а не только в Lower Hutt. Особенно мне понравился кампус в Porirua, недалеко от ЖД-станции.

Porirua – район Веллингтона, и если верить карте, то может показаться, что это район города. На самом же деле, Porirua – район жопы, непосредственно дырка.

Как и подобает дырке в заднице, Porirua всегда находился в центре событий и служил чем-то вроде резервации для маори (коренного населения Новой Зеландии). На станцию эту я прибывал каждое утро и каждый же вечер уезжал обратно. На новых, откондиционированных электричках, скоростных, аки прогресс белых людей. Это были самые белые электрички в мире, однако, по мере приближения к станции Porirua, в них оставалось все меньше светлых лиц. Честно сказать, мне очень нравилась та дырка в жопе. На моём маршруте на учебу не было игрушечного одноэтажного благодушия, а было вполне нормальное гетто. Гетто всюду, на чём нельзя сделать деньги. Поэтому единственным местом в Porirua, где гетто заканчивалось, был медколледж.

Денег с иностранных студентов институт собирал достаточно и для привлечения клиентов (читай лохов) построили отличный кампус. Дизайн, ремонт, персонал – high class, fucking royal. Стильно, ведь капитализм не может выжить без рекламных постеров, прикрывающих нищету. Поэтому тот кампус был очень крутым, настоящей потёмкинской деревней имени Давида Риккардо. Будем честны – работало, деревушка подкупила даже меня, особенно в первый визит.

Помещения светлые, выстроенные в high-tech-стиле, с большим количеством перегородок, прозрачных стен и металлических конструкций, поддерживающих лестницы и переходы между этажами. Всюду лифты, доступ к компьютерам, зоны отдыха, библиотека, в которой можно брать книги, просто приложив студенческую карточку к считывающему устройству. Милая кафешка: маффины, отличный кофе, картошка фри, салаты, по запросу еду сделают веганской. Тогда я ещё не понимал, что с веганством все строго: нет веганского меню – получи протест студентов против администрации.

Первые дни в медколледже мне запомнились. Впечатлений было много, и, каюсь, как русский иммигрант, поначалу я испытывал чувство собственной неполноценности. Проявлялось подобное только в общении с европейцами. Встречаясь с французами или немцами, я автоматически признавал себя гражданином второго сорта. Априори, до всякого разговора с ними, я пасовал внутри. Мне было стыдно за своё происхождение, потому что русский – значит дикарь. По правде говоря, надменное отношение чувствовалось и с их стороны по отношению к России, но это было объяснимо. Мой же стыд за родину был впитан с гайдаровским молоком, и потребовалось какое-то время, чтобы отойти от либерального трепета перед Европой.

Как бы то ни было, в первую неделю я погрузился в мультинациональный и мультикультурный дух Новой Зеландии. Как нигде в мире, в веллингтонской шараге для младшего медицинского персонала было очень пёстро.

Первыми новыми приятелями стали колумбийцы, несколько ребят из Индии и француз Джо. С последним общаться было особенно забавно. Он всё время врал. Прямо не мог остановиться. Последний раз я слышал подобное, опять же, ещё в школьные времена. Ну помните, эти чемпионы секса, вернувшиеся с каникул после восьмого класса. Они рассказывали такое, как будто побывали не у бабушки на даче, а на лучшем секс-курорте мира. О да, в классе всегда находился человек, вернувшийся с каникул не только не девственником, а, судя по рассказам, порно-актёром. Уже тогда, в юности, мне было очевидно, что эти истории – чистейший пиздёж. Иначе к таким «бабушкам» на каникулы летали бы секс-туристы со всего мира, а не только мои одноклассники.

Примерно такими же нелепыми звучали истории Джо. Слушая его, мне было невдомёк, как парень к своим двадцати девяти может нести такую ересь? Но француз не понимал, что все вокруг понимали, что он, мягко говоря, приукрашает. Может, оно и к лучшему, истории он травил уморительнейшие.

Но в целом – мне очень понравились первые недели учёбы.

Ещё дома, в России, я представлял себе именно такую сказку об иммиграции. Приключения, новые знакомые, друзья со всего мира, карьера.

В Петербурге, глядя из окна больничного кабинета на небо цвета поребрика, я мечтал уехать из непроглядной туманной нищеты и мороси. И мечтая, я представлял себе всё так, как шло в первый месяц жизни в Новой Зеландии. Мои мечты казались сбывшимися.

* * *

Как и полагается, чувству сказки не суждено было длиться сколь-нибудь долго. Люди, окружавшие меня, перестали быть такими уж интересными с течением времени, а темы разговоров исчерпались за месяц. О вечном или литературе там никто не говорил, поэтому ко второму месяцу учёбы стало тотально скучно.

Я пытался сосредоточиться на учёбе, но изо дня в день мы обсуждали культуру. Традиции. Религию. Духовные практики. Социальную справедливость. Главное – никакой медицины. И всё это происходило на парах в медицинском колледже. Слово «культура» стало определять мой день вместе с чувством холода. И если к тому, что помещения не отапливаются, а на улице плюс пять градусов, я привык быстро, то к разговорам об уважении к меньшинствам привыкнуть не мог.

Разговоры о толерантности к геям, лесбиянкам, цветным и (внезапно) женщинам велись не в качестве факультатива, даже не на конкретной паре, а на всех занятиях вообще. В редкие моменты, когда, по неведомой случайности, нам все же показывали слайды с информацией по оказанию того или иного вида медицинской помощи, я немного оживал. Но это случалось редко и, как правило, не вызывало ажиотажа среди аудитории. Всем хотелось обсуждать

вопросы первостепенной важности, вопросы, в которых любой идиот может быть экспертом, – вопросы социальной справедливости и антидискриминационного движения.

Например, разбирая депрессию, как её распознать, к кому направить пациента и какой тест можно провести, преподаватель обратился к статистике. Оказалось, что женщины страдают депрессией чаще мужчин. Этому он посвятил минут шесть своей лекции, остаток часа в аудитории шло обсуждение причин, почему женщины страдают депрессией чаще (спойлер: из-за гнёта белых цисгендерных мужчин).

Я был вообще не против обсудить подобное, но не каждый же день! Тематика дискриминации казалась мне очень заезженной, абсолютно очевидной. До того как приехать в Новую Зеландию, я давал клятву, и в клятве у врачей нет оговорок, что надо помогать всем, кроме анальных проходчиков, цветных и мерзких женщин. Я бы помог каждому человеку, как и любой врач, но меня пытались убедить, что без занятий по терпимости, я останусь варваром. От этого временами я сильно уставал.

Однако подобные дни летели быстро, от лекции к лекции. В основном занятия вели двое: женщина, ее звали Гейли, и мужчина-маори, звали его Луи. Гейли по большей части рассказывала про геев и случаи дискриминации сексуальных меньшинств в медицине. Изо дня в следующий день. Луи больше фокусировался на мире духов, рассказывая о традиционных методах лечения, которые чудесным образом работали в мире маори.

Я привык. Серьёзно.

«Я торжественно клянусь, что буду принимать пидора как спасителя своего! Клянусь, что к людям, ещё не определившимся какого они пола, я буду использовать слова, не обозначающие их гендера. Клянусь!»

Всё. Готово. После этого я мог работать младшим медработником в Новой Зеландии, остальные знания – мелкие частности.

В аудиторию я приходил раньше остальных, чтобы не толпиться в очереди опаздывающих. Парни из Индии не считали нужным приходить до начала занятий и обычно подтягивались минут через пятнадцать после. Хотя нет, не парни из Индии, только парни с конкретного региона Индии – Керала.

Бог мой Шива, как же они меня бесили. Они всегда с шумом врывались в аудиторию, продолжали базарить на своем языке, не сбавляя голоса. И выгнать их не представлялось возможным.

Почему, спросите вы?

Потому что это не толерантно к другой культуре. Однажды студенты сослались на то, что не могут понять английский, поэтому вынуждены говорить на родном языке, а преподаватель их выгнал, тем самым дискриминировав. Это реальный случай, закончившийся увольнением препода, правда, не в моем храме терпимости, в другом институте, но наши профессора рисковать не хотели. Поэтому всем приходилось ждать, пока жители Керала хоть немного утихнут.

После чего профессор мог продолжить проповедь тоталитарного мультикультурализма, которую почему-то называли лекцией. И это тоже было бы ничего, но извечный гомон – малая часть проблемы. Самая жара начиналась ближе к обеду, когда ребята из Керала доставали ланч-боксы. Без церемоний, не выходя из аудитории, открывали их, затем собирались вокруг пары заблаговременно сдвинутых столов прямо в классе и включали видео, с музыкой. Под этот аккомпанемент они обедали. Едят жители Керала руками, если вдруг кто не знал, тоже в аудитории, капая на столешницы и непременно чавкая (так они показывают, что вкусно).

И всё это в высшем учебном заведении, за границей. В эти минуты я вспоминал своих друзей, которые всегда восхищались заграничным образованием, ведь всем известно: в Рашке – говно, за бугром – круто.

Глава третья, в которой я знакомлюсь с дикой природой

К моменту, когда моя жизнь наконец приобрела хоть какие-то черты рутинности, прошло около месяца учебы. Меня изрядно напрягала либеральная пропаганда (хотя они называли её новой левой волной), наступающая ультрафеминизмом и абсолютным расизмом по отношению к белым, но я терпел, мне надо было получить диплом.

Не проходило и лекции, чтобы мы не обсудили white privilege, white male supremacy и патриархальный мир, который не даёт развиваться женщинам и цветным, не говоря уже про цветных женщин. К истечению месяца учёбы мне заебалось слушать, как девушка, между прочим медсестра из Индии, всерьёз убеждала всех, будто её не берут на работу именно из-за цвета кожи. Группа ей вторила, ободряюще похлопывала по плечу. Профессор Луи, между прочим тоже медик, поддерживал её речами в духе, мол, она же ещё и женщина, что вообще ограничивает шансы.

Мне было невдомёк, не задумывались ли они хоть на секунду, что основная проблема вообще не в цвете кожи, а что её интеллект оставлял желать лучшего. И если для менеджера или маркетолога это даже преимущество, то для медика – противопоказание к работе.

В те редкие минуты, когда мы всё же обсуждали медицину, эта медсестра не могла ответить ни на один, вообще ни на один, даже самый простой вопрос. Например, когда мы обсуждали фармакологию и помощь людям в состоянии интоксикации, она понятия не имела, что такое half-life субстанции или что такое route of administration. Спрашивала у меня, я ей помогал. Наверняка, в её голове, я знал всё это только по тому, что был белым эксплуататором женщин, представителем доминантного класса членоросцев. Оспаривать это было бы бесполезно, к тому же, мне было легко ей помочь. Хотя иногда это переходило всяческие рамки, например, она понятия не имела, какое у человека давление в норме, тоже спросила меня. Пришлось рассказать.

Говорила она по-английски хуже меня, зато бойко рассказывала о всех невзгодах несправедливого и давящего на неё мира. В переводе это означало: оценки за assignments будут выше.

Подобных жертв, страдающих от гнета белых мужчин, было в моей группе очень много. От их речей, причём в основном продуцируемых преподавательским составом, я начинал уставать. Но всё же в первые месяцы сфокусировался на главном – алкоголе и заведении новых знакомств.

Я обживался, ходил по значным местам, пару раз пересёкся с одноклассниками вне учебы, познакомился с жёнами остальных, познакомил всех со своей. Окружающее всё ещё казалось забавным, полуреальным приключением, хоть и утомившим.

С другой стороны, ну где бы я ещё мог представить, что на семейном ужине за столом будут колумбийцы, девушка из Мумбаи и пара парней с юга Индии. Все они учились со мной, были нашего с женой возраста, нацеленные на иммиграцию, серьёзные, работающие люди, в основном медбратья или медсёстры. Только я и моя жена выделялись – мы были из академической среды Петербурга. С дипломами, пафосом и высокомерностью, которую прятали даже если люди начинали говорить откровенную чушь.

– А у вас есть лепра?

– Лепра? Нет, в советское время ещё победили.

– Я просто работал с больными Лепрой.

Сэмюэль брезгливо оглядывал селедку под шубой. Мы с женой приготовили русский стол, как нас и просили. Селедка под шубой, водка, оливье. Тогда, в разгар зимы по новозеландским меркам, то есть в середине августа, всё это смотрелось сюрреалистически, вызывая острые ассоциации с Новым годом.

– И как? Нравилось?

– Да, очень. Это очень сложная работа, но мы работали хорошо. Очень хорошо.

Сэмюэль никак не мог найти на столе хоть что-то отдалённо похожее на его привычный рацион. Колумбийцы же ели уверенно, не пропуская тостов и даже не особо шокируясь селёдкой под шубой, обычно производящей неизгладимое впечатление на иностранцев.

Наблюдать было забавно, как милые индусы из Керала, Сэмюэль и его друг даже не пытаются выдавить из себя толерантность. На празднике культуры Керала, который прошёл в кампусе в первые недели обучения, случился забавный курьёз. На фестивале, как полагается, было много угощений. Все эти яства напоминали по внешнему виду еженедельную блевотину вашего кота. Вот вы раньше наверняка думали, что это такое ваш кот там наблевал, а это он угощает вас южноиндийской кухней. Но основная проблема на фестивале культуры Керала была даже не в этом. К кошачьей блевотине не давали столовых приборов, то есть вместе с текущей подливой и кашеобразным нечто не выдавали ни вилок, ни ложек. Тогда Хуан (мой колумбийский камрад) попросил Сэмюэля найти хоть что-то, символизирующее эволюцию человека, а тот ему ответил, дескать, Хуан должен проявить уважение к традициям Южной Индии и жрать руками. Хуан ел, извинившись за дерзость. Я нет.

У нас же в гостях Сэмюэль не ел, кривился. Я подумал напомнить ему про толерантность, но быстро вспомнил, что толерантным нужно быть только если ты белый. Хуан же, напротив, был в восторге от русской кухни, может не от самой кухни, а от ложек и вилок, которых было вдоволь. Не знаю, но ел он с аппетитом.

– Да, много работали с лепрой. В Индии настоящая эпидемия в отдельных регионах.

Слушать про лепру было интересно, потому что в голове рисовались всё те же чумазные развалины, кишасшие индусами, которые непременно жрут руками жидкое карри.

– А как лечили, если ты говоришь, что там нет больниц?

– Ну, больниц мало, но это и не самое главное.

– А что самое главное?

– Вера. Например, у нас в Керала есть гуру. Знаешь слово «гуру»?

Я покивал. Я знал слово «гуру». И даже знал, что Сэмюэль будет рассказывать. Он с гордостью достал смартфон и показал видео. На съёмке демонстрировался метод песнопения, одобренного отваром из красноватых ягод. Оказывается, именно эта смесь лечила лепру лучше всякого институционального подхода.

– Слушай, а как вы измеряете, что это эффективно?

Сэмюэль рассмеялся.

– Ты опять за своё. – Он постоянно спрашивает это у преподавателей в колледже.

За столом в большинстве случаев всем было наплевать на наши разговоры. Эмма, жена Хуана, почти не говорила по-английски, девушка из Мумбаи, Сансия, была восемнадцати лет отроду и не интересовалась ничем, где не было бы слова «секс», а моя жена просто кушала. С нами общался только Хуан, который улыбнулся и покивал, поддерживая Сэмюэля. Бесхребетный толстячок боялся оскорбить всякого, даже непроглядного идиота.

– Серьёзно, как вы можете знать, что это работает? Вы измеряли до и после лечения? Какие результаты ваших песен и ягод?

– Ты всё время это спрашиваешь, но это не важно для медицины.

Меня передёрнуло, я жизнь потратил, чтобы точно знать, что это пиздец как важно.

– Нет, друг мой, это важно.

– Нет, не важно

– А что тогда?

– Важно, чтобы люди были довольны. Люди решают – помогает им это или нет. Луи же тебе объяснял на паре. Он преподаватель, наверное, уж больше тебя понимает!

Я сдался. Поэтому мы стали говорить о других вещах, а вскоре и вечер подошёл к концу, все разошлись.

Подобные разговоры и вечера смешивались, забывались и оставались где-то глубоко внутри, накапливаясь раздражением и чувством презрения. Так шло моё вживание в Новую Зеландию, вместе с попыткой вживания в меня парадоксальной идеологии, отрицающей здравый смысл.

* * *

Дни начинали тянуться караванами, длинной вереницей одинаковых понедельников и пятниц, состоящих из института, магазинов, рассылок резюме, получения отказов, лёгкой тревоги. Дни выстроились в линию прямо передо мной в ожидании, когда я их всех проживу. Без остатка.

В один из таких дней я вышел из своего пристанища. Ветер тут же облепил плотно моим же собственным плащом, залез под него, пропитал водолазку и кардиган от Boss Orange, которые я покупал ещё в Питере, где одежда означала статус. Не застегнув воротник, я шёл под горку. К остановке электрички, которая должна была донести меня прямо до института. В тот момент я ещё не знал, что моя история – это история не про иммиграцию, а история одной obsessions.

Obsessions – это постоянно возникающее навязчивое желание или мысль, которую ни прогнать, ни принять, ни удовлетворить нельзя. Ты совершаешь всё время компульсии, то есть попытки избавиться от навязчивой идеи, создаёшь ритуалы, чтобы успокоить себя, унять тревогу, но это не помогает.

Например, вы всё время думаете: а выключили ли вы дома утюг? Эта мысль не оставляет. Тревога нарастёт. Вы возвращаетесь домой проверить, выключен ли утюг. Выключен. Выходите из дома, но мысль всё равно сжирает. Казалось бы, глупо беспокоиться, вы же только что проверили, вы на сто процентов уверены, что всё хорошо, но мысль не уходит. И вы опять идёте обратно проверять, перепроверять и так до бесконечности.

В моём случае речь не об утюгах. У меня и утюга не было на съёмной квартире. Но болезненная obsessions всё же развилась, стремительно и беспощадно.

Всё началось с момента, как я впервые посетил потоковую лекцию, где училось несколько групп, а не только моя с Хуаном.

– Здорово.

– Здорово.

Мы пожали руки, и этот милый медведь почти тут же начал спрашивать, разобрался ли я, как сдавать в электронной форме дипломные и контрольные. Хуану было тридцать шесть лет, а он трясся над тем, какую ему поставят оценку.

– Не, дружище, пока не разобрался. Полно времени, мы же только начали.

Ответ мой Хуана не успокоил, взгляд его стал блуждать, наполнился паникой школьницы. Колумбиец жаждал доебаться до кого-нибудь более ответственного, чем я, но никого из нашей группы видно не было.

Мы побродили по этажу в поисках аудитории.

Мимо с книгами под мышкой сновали молоденькие девчонки из местных. По возрасту можно было легко отличить иностранных студентов от местных, потому что иностранцы раньше тридцати годиков туда приезжали редко. То ли копили деньги, то ли чтобы рвануть в Новую Зеландию, и вправду нужно было отчаяться, а это случается уже после тридцати. Прогдираясь меж юных новозеландок, особо не церемонящихся, но очень вежливо толкающихся, мы добрались до аудитории. Оказалась закрытой.

– И что теперь?

У Хуана натурально округлились глаза. В его роговых очках это выглядело совсем комично. Небритое, слегка полноватое лицо, сползшее вниз тело, изувеченное женатой жиз-

ню, пузико, на которое он натягивал клетчатый свитер – все выдавало в нём моего будущего приятеля. Я был уверен на сто процентов, что ничего фатального не случится, даже если мы, двое взрослых мужчин, не найдём нужный кабинет в первый потоковый день, но Хуан паниковал:

– В расписании сказано, что должно быть здесь, как так? Надо пойти в Learning commons (деканат), надо пойти в поддержку иностранных студентов...

Он говорил это прямо мне в ухо, трогая за плечо. Я терпел. Он был мне приятен как человек. Да и к тому моменту я уже знал, что это латиноамериканская штука – трогать человека, которого едва знаешь, если с ним говоришь.

– Да расслабься, сейчас найдём кого-нибудь и спросим. Или пиво пить пойдём.

– Нет, так нельзя. Нам обязательно надо в Learning commons.

– Закрыто?

– Да, у тебя тут пары?

Девушка подошла к нам ближе. Она не была в моём вкусе. Высокая, почти моего роста, крупная, коричневокожая женщина. И когда я говорю крупная, не подумайте, что она толстая, вы бы сами облились слюной, увидев её бёдра. Она держалась очень уверенно. Волосы у неё были короткие, с прикольной чёлкой впереди. Обычно мне не нравились такие.

– Пошли, я знаю, где пары, раз не тут.

Внутреннее убранство того кампуса, где проходили потоковые лекции, далеко не фестиваль high-tech-дизайна, как основной building в Porigua. Здание скорее напоминало офисную помойку, где-нибудь на площади Ленина: гипсокартон на стенах, вытоптанный ковролин и мокрые подтёки от ботинок.

Девушка шла впереди. Её бёдра, обтянутые чёрными легинсами, покачивались из стороны в сторону, напоминая с каждой амплитудой, что я женат. Мысль вдруг резко стала навязчивой: «я женат, я женат» – но я смотрел не отрываясь на её задницу.

Мы шли куда-то вглубь сырых коридоров, прошли мимо столовки с запахом кофе, перебывающим плесневые ароматы стен, мимо библиотеки, мимо зоны отдыха, где на мешках-креслах валялась пара азиаток с Macbooks. Мы шли прямо по шлейфу её духов, а я шёл, как осел за морковкой, привязанной ко лбу.

«Завернуть бы куда-нибудь за угол, может в туалет, закрыться в кабинке и просто потрахаться», – мелькнула мысль. Жаль, но так не бывает даже в фильмах, даже в самых тупых порнорассказах, на которые дронишь, если нет нормального интернета, так вообще не бывает.

– Вот, здесь должно быть.

Обернулась. Кажется, я тогда не успел поднять глаза от её форм. Она только улыбнулась, а может, и улыбалась до этого. Наши взгляды пересеклись.

– Сюда?

– Сюда-сюда.

Дверь поддавалась. Внутри тихонечко говорила преподаватель, на слайде за её спиной был мозг человека с подсвеченными лобными долями. Девчонка, проводившая меня и Хуана до аудитории, тут же отделилась от нас, пробралась через ряды к своей компании. Она была из старшекурсников. Тот потоковый предмет был последним, который им оставалось сдать перед выпуском с программы, а для нас с Хуаном – началом учёбы.

Мы сели за первый стол. Столы были сдвинуты вместе, в длинные ряды, человек по восемь, но никто не сидел за первым. Всем хотелось позалипать в телефоны где-нибудь поглубже в зале, а мне же стало реально интересно, что будет рассказывать на паре новая лектор.

Преподаватель оказалась на удивление милой. Индианка этнически, родом из Лондона, переехала в Веллингтон много лет назад, вместе с мужем психотерапевтом. Эти истории о себе она травилась прямо по ходу лекции. Много лет практиковала врачом-фармакологом, на курсе

собиралась рассказывать, как работать с людьми, пострадавшими от хронического использования наркотиков или алкоголя.

Анита Графмон – так ее звали. Пухленькая, очень активная. Она за первый час лекции ни разу не произнесла и слова о социальной справедливости, феминизме и белых привилегиях, что дало повод полагать, что Анита – крутая. Определённо, Анита Графмон выглядела, держалась и преподавала как настоящая женщина – достойно, не прибедняясь, последовательно и логично.

Пару раз мы с ней заговорили. Говорить было одно удовольствие. Приветлива, адекватна, умна, а если вы не знали, то именно эти качества делают женщину собеседником. Тот год был её первым годом преподавательской деятельности и при любой возможности Анита кидалась в дискуссию со студентами. За время учёбы за рубежом (восторг, восторг! за рубежом!) я успел отвыкнуть от нормальных лекций и научной дискуссии, поэтому с жадностью кидался на интеллект Аниты, точно голодающий на хлебные крошки.

К нашей дискуссии временами подключалась и другая индианка, та самая, проводившая нас с Хуаном до аудитории. Стоило мне поделиться опытом, как она тут же вставляла реплику, при этом посматривая на мою реакцию. За словом в карман я не лез, и мы устраивали лёгкие перепалки, в конце которых индианка неизменно хмыкала. Анита Графмон не мешала нам, а после коротких дебатов я сидел и думал, посмотрит ли та девушка на меня ещё раз или нет.

«Я женат... я женат, – мысль засела в голове. – Боже мой, да я не знаю даже имени! Имени её не знаю! Мы только переглядываемся на паре и у неё легинсы обтягивают жопу! Что с тобой не так?!»

Но, кажется, этого оказалось достаточно, чтобы свернуть мне башку. Единственное, чего я хотел в тот момент – спросить, как её зовут.

Я был жалок.

Глава четвёртая, в которой я болеваю

Шли дни. Некоторые такие же, некоторые по-другому. Мы посматривали на женщин в институте, искали работу, возвращались домой к жёнам и завязали в быту по колено.

На сердце моём с рождения была выбита надпись «Сделано в России» – поэтому мотор, не переставая, барахлил. Барахлил он ещё и от того, что русский мужчина состоит всецело из сердца и хуя, а для обоих составляющих в иммиграции много нового и вкусного, только нельзя женатому.

Я перепроверял свою больничную карточку, неизменно числилось: «Женат» – в графе хронические болезни. Я пролистывал рекомендации лечащего, чёрным по белому: «постельный режим только с женой».

Всё это не сильно заботило бы меня, но я зачем-то всё-таки узнал имя той индианки с потоковой лекции. Ее звали Маниша. И после этого я уже не мог перестать думать о ней.

Иногда мы встречались двумя семьями с Хуаном и Эммой прямо посреди недели, чтобы выпить и разнообразить жизнь. Наши жёны нашли общий язык и каким-то непостижимым образом пересказывали друг другу самые сложные истории, притом что Эмма две трети времени говорила только на испанском. Но они отлично друг друга понимали.

Мы же с Хуаном слышали, как наши жёны поют песнь тридцатилетия уже в унисон, и немного грустили. Они говорили о правильных, понятных, человеческих мелочах: как собрать денег, как планировать недельный, месячный, годовой бюджет, как продлить визу, родить детей. Мы с Хуаном обычно слушали это молча, наблюдая за дрейфующими айсбергами в бокалах с виски, не способными потопить «Титаник».

Если мы выпивали наедине, то за выпивкой обсуждались бабы, происхождения прошлого, тоска по pussy и, вообще, захватывающие вещи. Не знаю, думали ли вы когда-нибудь, но брак – это максимально несексуальное состояние. Жена не имеет pussy. Муж не имеет dick. Вместо этого вы имеете обязательства, а обязательства имеют вас – это уроборос брака.

Однажды мы с Хуаном изрядно перепили, даже мне, с русской печенью, с утра было тошнотворно тоскливо. Как раз в то утро вновь пришлось идти на учёбу, и я оказался на перекрестке, совершенно не в фигуральном смысле слова. Буквально.

Иммигрантской побитой собакой я стоял у обочины. Меня сервировали и подали к столу не в своей тарелке, и, поглядывая с подозрением на корейцев, я опасался, что не побрезгуют. Русская борзая собака становится мягче и беззубее в непривычной среде и отлично сгодится с ким-чи в качестве гарнира.

Мой колумбийский друг перешёл дорогу, так нелепо и мило в свои тридцать шесть выглядящий. Его пузико, старомодный свитер и толстенные очки-хамелеоны оставались единственным и почти не сменяемым луком. В прошлом он действительно читал лекции у себя в стране для молоденьких дамочек, по глупости выбравших курс психологии в университете, теперь же он учился со мной в медколледже вместе с чуваками, которые после слов «методология» или «парадигма» могут и оскорбиться.

Голова гудела, хотя я был моложе, да и пил меньше, чем Хуан Давид, а именно так его называли родители при рождении, что, на мой вкус, было хуже имени Хуаныч, которым я его прозвал.

– Здорово, мужик.

– Здорово-здорово.

Подъём был крутой, и с каждым шагом я чувствовал, как в висках ещё плещется вчерашнее пиво, а плескалось оно шумно, ведь служило запивоном к вискарю. Хуану было проще – он просто умирал рядом. Мы даже остановились передохнуть и попить воды. Старичку было совсем непривычно делать такие физические трюки с утра пораньше, тем более после попойки.

– Помнишь, ты говорил, что тебе нравится девчонка из группы? Китайка.

– Говорил.

За день до этого мы с Хуаном в подробностях обсуждали писечное ассорти в колледже.

– Покажешь сегодня?

– Я не в её вкусе, Юджин.

– Как ты это понял? Ты с ней заговаривал вообще?

– Нет, просто знаю.

– Как ты можешь знать, Хуаныч. Попробуй подойди, это проще, чем кажется.

– А сам чего тогда не подойдёшь к девушке, которая тебе нравится?

– К которой?

– Come on! Ты понял, к Манише.

Я не ответил, но тут же пожалел, что пьяным трепал лишнего, в том числе и о своей тайной секс-фантазии.

Маниша всё же оказалась в моём вкусе. Это стало понятно спустя пару недель обучения на общем потоке. Она держалась самоуверенно, альфа, что сказать. Её постоянные перепалки со мной на парах, кроткие улыбки и, конечно, кожа. Экзотическая, тёмная. Маниша была произведением искусства, особенно задница. Ноги её всегда были обтянуты легинсами настолько плотно, что точности форм позавидовал бы Роден. Жаль, старичок Огюст не дожил до моей иммиграции в Новую Зеландию, возможно, он сотворил бы нас с Манишей в мраморе. «Мыслитель, прячущий эрекцию», и статуя Маниши, которую мы бы назвали: «Camaltoe». «Мыслитель» и «Camaltoe». Мы были бы идеальной парой.

До самого лектория мы с Хуаном больше так и не заговорили. Лекция вновь была потовой, и все мусорные сливки своих обществ тянулись вереницей в аудиторию. Медсёстры, психологи, врачи, соцработники – все те, кто любым способом пытался иммигрировать, получить ссанный диплом и найти по нему работу.

Пару вновь вела Анита Графмон. Она улыбнулась нам с Хуаном, приглашая сесть поближе, чтобы при возможности подискутировать. Она была приятной женщиной и, кажется, единственной, в чьём образовании я тогда ещё не разочаровался. Анита Графмон, как и обычно, рассказывала про особенности влияния наркотиков на работу мозга. Поскольку мы понятия не имели, в какой из сфер нам придётся убирать утки с испражнениями, то все книжные знания в мире казались уместными и слушать было интересно. Анита, к слову, не чуралась приводить примеры из личного опыта. В аудитории в целом собрались люди исключительно профессиональные в вопросе употребления наркотиков, что навевало воспоминания об ошибках молодости и бэдтрипах.

Маниша и её группа сидели поодаль, для них уже минул почти год жизни в иммиграции, так что надежд на американскую мечту в Новой Зеландии не осталось, чай не Америка, поэтому только безразличие читалось на их лицах.

Хотя, если быть до конца честным, мне было сложно прочесть что-либо на лицах китайских студентов. Я никогда не мог прочесть вообще ничего на их лицах, и дело не в расизме в духе «они все на одно лицо» – нет.

Дело в том, что даже когда мы обсуждали репрессии в КНДР, китайским студентам всегда было невдомёк, о чем это я толкую. Они не отрицали их наличие, наоборот, отлично знали о расстрелах, лагерях, убийствах, но не понимали моей тоски перед гибелью человека. Одного, одинокого такого человечка, со всем его нутром и надеждами. Наверное, с тех самых пор мне стало казаться, что на их лицах, расплюснутых тоталитаризмом, с раскосыми глазами антигуманистического дракона, мне никогда не удастся прочесть того, что казалось важным, – человека.

Короче, я не знал, что за душой у китайских студентов. Всем же остальным не было никакого дела ни до Аниты Графмон, ни тем более до её предмета. Из заинтересованных в учёбе были только я, Хуан и сама Анита Графмон.

Хуан по-прежнему, не смотря на сданные на отлично первые assignments, переживал о каждом новом задании. Я получал оценки не хуже, да и не мудрено, учились-то мы в шараге, но я вообще не парился об учёбе. В принципе, после года обучения, который и предполагала переподготовка на младший медперсонал, нам с равной вероятностью могли выдать и дипломы сварщиков начального разряда, потому что обучение было в равной степени полезно медработникам и сварщикам на одном уровне – на ноль.

Так и выглядела обратная сторона пафосного и дорогого образования за границей, во всяком случае в Новой Зеландии. Платили мы в основном за то, чтобы просто въехать и попытать удачу, как в казино. Шансы выиграть были. Правда, и без штанов оставляли почти всех.

Кстати, о бесштанности. И, тоже кстати, о нейрофизиологии и биохимии. Я и Маниша переглядывались. Постоянно. Перестрелка велась без потерь, но раньше я не паниковал, а в тот день отчего-то никак не мог выдержать её взгляда.

Я улыбался, какое-то время смотрел на неё в ответ. Обычно девушки отводят взгляд, играя стесняшку, но ту индианку было не прошибить. И даже моя обаятельная улыбка с нелепыми кривыми зубами, пользовавшаяся неизменным успехом у женщин, не работала. Маниша продолжала смотреть на меня, как кавказец на девушку в короткой юбке из окна «Приоры», как школьник на декольте учительницы, как одинокая женщина на сериалы по телеку – она смотрела не отрываясь.

Глаза отводил я, делая вид, что срочно нужно проверить, не случилось ли чего на экране телефона. Телефон неизменно показывал время. Сообщений не было. И так каждый раз, стоило ей вновь посмотреть на меня, я неизменно мог сообщить местное время любому поинтересовавшемуся.

Так проходила очередная пятница женатого врача-иммигранта из России. Нет бы быть как скучный профессор психологии из Медельина: переписывать конспект со слайдов, мечтать о китаянке, тихонечко дрончить на неё в ванной, пока жена не слышит. Будь я таким, жить стало бы спокойней, привычней и, самое главное, правильней. Но под миномётным обстрелом индийской артиллерии, я уже не хотел правильно и спокойно, я хотел повоевать.

Lunch break означал, что настало время обсуждать с Хуаном, в какой бар пойти вечером. Колумбиец предложил тот же самый, что и на прошлой неделе. Причин отказывать не было, но я всё же спросил:

– Будешь звать азиатку? (Я использовал: «will you invite the Asian one»)

Он только покачал головой и опять промямлил: «Я не в её вкусе». Asian one сидела сразу возле Маниши, имени китаянки я тогда ещё не знал.

Все разошлись на ланч, на кофе. И делая вид, что это исключительно для Хуана, дескать, приглашу китаянку вместе с остальными, я вышел из аудитории. Как школьник, ей-богу.

Библиотека находилась на третьем, там же и кафе. Перестрелка взглядами не прошла бесследно, и в глазах у меня всплывали черты лица, жесты, пальцы, которые чертили в воздухе тёмные полосы от лакированных ногтей. Мой корабль получил пробоину, сперма из хранилищ хлынула в верхние отсеки, замутняя зрение.

«Капитан! Капитан! Возьмите себя в руки! – крикнул боцман-хуй. – А то нам удачи не видать».

«Спокойно, боцман!» – ответил мозг пенису.

«Я не рулевой, я не могу рулить! – паниковал боцман-хуй. – Капитан! Возьмите себя в руки, мы же проскочим мимо!»

Но я уверенно держал штурвал.

«Какого черта я должен отводить взгляд?! Я женатый, уверенный, опытный мужчина. Мне в принципе всё равно, откажется она или согласится, даже если скажет да, не буду с ней мутить по-настоящему, я же не такой».

Все эти мысли бесновались в голове, никак при этом не успокаивая, и я уверенно направил корабль на рифы, вместе с боцманом-хуем, уже спланировавшим абордаж.

Пролёты лестничные с запахом выпечки не успокаивали, тревога, бившаяся внутри, — азарт самой жизни. Я был капитаном дальнего плавания и неуверенным девственником одновременно. Шёл я по лестнице, уже готовый, и это затягивало. Тело моё потеряло контроль. Связист в голове пытался дозвониться до диспетчерской, где ещё оставались сознательные люди, но канал связи был заблокирован. Террористы, в виде откуда-то взявшегося подросткового бунта, взяли полный контроль над судном. Сердце в груди взволнованным пассажиром стучало в каркас рёбер.

Меня стащило вниз по лестничным пролётам на третий, где рядом с кафе и зоной отдыха обычно тусовались Маниша и ее mates. Сидели они там и тогда. Стоило выйти на этаж, как индианка тут же меня заметила.

— Привет.

— Привет.

Разговор в их компании прекратился, и все просто смотрели на нас. Цирк с двумя львами без загонщика. Мне было не ясно, кто из нас охотится, а кто делает вид, что добыча. Зрители ждали, но исход был предрешён. Наверное, злость, а может и тоска по холостяцкому запалу, взяла верх. Заговорив с ней, я вдруг перестал волноваться, точно школьник, приглашающий девочку куда-нибудь. Я был безработным, взрослым мужчиной из России и в любой день недели был свободен настолько, на сколько себе может позволить женатый человек, то есть, спросив у жены разрешения, я был свободен на сто процентов.

— Что делаете сегодня после занятий?

— Ничего не делаем, предлагай (на самом деле, Маниша сказала: «You tell me»).

— Well, пойдём выпьем?

— Alright, куда?

— В бар.

— В бар, как неожиданно. В какой?

— Недалеко, я покажу.

— Окей. Я пойду. Вы пойдёте guys?

Альфа-самка слишком много о себе думала. Я видел, как она, наверняка хрупкая и ранимая внутри, прячется под непробиваемой уверенностью. Мне хотелось вскрыть, заглянуть внутрь и одновременно, чтобы она всегда оставалась такой. Меня будоражила охота, хоть и соглашалась она легко.

Я ей нравился? Не знаю.

Я ей нравился так же, как она мне? Определённо, нет.

Но в тот момент истории я уже начинал болеть странным безумием, я впервые пригласил Манишу в бар. Она согласилась.

* * *

Я не знаю, в какой момент личной истории мальчики перестают дёргать девочек за косички, чтобы привлечь внимание. Завуалировано подобное происходит в любом возрасте, в форме шуточек или флирта. И я не знаю, как чувствуют себя настоящие альфа-самцы, когда они удаляются прочь. Наверняка не так, как чувствовал себя я.

Внешне, чисто со стороны, меня ничто не выдавало, но отойти от Маниши оказалось не так просто. Мне казалось, что двигаюсь я неестественно, будто в плечи вставили вешалку для

одежды. Я ощущал деревянные руки, нелепо колышущиеся по обе стороны от туловища, и не знал, будет ли нелепо выглядеть, если спрячу их в карманы. Походкой обосравшегося мачо я удалялся, чувствуя на себе взгляды.

Миновав пару полок с книгами, всё ещё в зоне поражения её взгляда, я встал в очередь к кафетерии. Впереди урчали люди. Они были, как всегда, дружелюбны и настойчиво приветливы. «Ур-ур-ур», – говорили они друг другу и милой старушке за кассой. В этом ворковании угадывались пожелания хорошего дня и прочая англосаксонская поебень. Пахло кофе.

В Новой Зеландии все понтуются на национальном уровне. В России тоже: армией, флотом, ракетами, силой и величием – правда, мир уже знает, что это только пародия на красную державу, никто особо и не верит. Новозеландцам же с их рекламными понтами ещё верили, поэтому многие считали, что в Веллингтоне отличное качество продуктов, высокий уровень жизни, великолепный кофе. Вот, мать вашу, как должна работать пропаганда: на внутренний и внешний рынок. Все же уверены, что в Зеландии просто рай на земле, не так ли?

– Good morning, how are you?

– Good-good. How are you? May I have one flat white please? No sugar.

Я – робот с программой вежливости и адаптации к новым условиям. Я – ракета, летящая по заданной траектории: новое гражданство.

Я больше не смотрел в сторону Маниши, просто нашёл уединенное место за столиком. Столы там были ещё хлеще, чем в общепите на Ваське. Иммиграция быстро лишает чувства идеализации забугорного мира. Вот ты сидишь, вроде как спокоен, у тебя есть права человека и даже возможность найти работу, за которую будут платить, но рукава липнут к поверхности стола, вокруг куча улыбчивых идиотов, и, кажется, в Питере было точно так же, только идиоты хмурые.

Достаточно быстро подтянулась и остальная группа. Будущие медсёстры и врачи окружили единственную замызанную микроволновку, а замызгана она была знатно. Поверьте моему опыту, даже если бы вы подогревали в ней французские деликатесы, то на выходе получилось бы кари – настолько она воняла. Если быть откровенным, за жизнь я нюхал не так много микроволновок, но, пожалуй, та была самая вонючая в мире. Моих одноклассников это не смущало. Думаю, наоборот, привлекало. Шоколадные покорители нового мира рычали индийскими акцентами, столпившись вокруг микрушки (подтекста не понять, если вы никогда не говорили на английском с индусом). Хотя какой английский, о чём это я?! По большей части общественные места в колледже были English-free zone, и для свободной коммуникации надо было выучить малаялам (так они произносили название своего языка).

Маниша шарахалась от подобной «элиты» больше моего, хоть сама была из Дэли. Милые южане напрягали её, видимо, вызывая чувство стыда за происхождение. Наподобие моего стыда за русскость, только моё было внушено ельцинской пропагандой, а ей это чувство привила суровая реальность.

Ах Керала, Керала, как много культуры и духовности в этом слове. Все, как на подбор, гордые за 99 % грамотности среди населения. Правда, в грамотность они не включали умение не срать на улицах, а этот навык, который вы подразумеваете как само собой разумеющийся, требует, оказывается, длительного историко-культурного осмысления, с последующим закреплением.

Хуан подсел ко мне, разворачивая латиноамериканский сэндвич. Пах он отлично. Оба они, надо признать, пахли отлично. Разломив напополам, предложил камраду (то есть мне). Я не отказался, хоть под кофе шло и не очень.

Разговоры о России, культуре, политике – верный признак, что вы толком друг друга не знаете. Он спрашивал про Путина при каждой возможности, но чем дальше я был от родины, тем меньше было мне дела до того, какой именно диктатор там правил.

Кроме Хуана в группе я сдружился с Сансией, уроженкой Мумбаи, той самой молодухой, что однажды приходила к нам с женой на русский ужин и провела его за своим телефоном, пролистывая Tinder. Ещё общался с девчонкой из Китая, Викторией (так она представлялась). Выглядела Виктория лет на восемнадцать, но, оказалось, была матерью двух детей и десять лет отработала медсестрой в Гуанчжоу. Обе девчонки тоже присоединились к нам с Хуаном. Сансия села рядом со мной, она всегда была немного на взводе, постоянно рассказывала подробности личной жизни:

- Я сходила на свидание.
- Серьёзно? Когда?
- Вчера первый раз был.
- Вчера уже был первый раз?
- Юджин! Ещё пока не было!
- А будет?
- Не знаю, он какой-то странный.
- А чё странного?
- Не знаю.

С другой стороны стола Хуан и Виктория рассказывали друг другу всякую чушь. В основном делились культурой. Ебаная культура, как она затрахла меня тогда. Все почему-то думали, что культура – это кухня, танцы, религия. Рассказы об этом они называли культурным обменом. Виктория делилась обширными познаниями о фестивале noodles (лапша китайская), Хуан отвечал ей взаимностью и рассказывал о ночных клубах Медельина (его родной город). Подобные мелочи волновали меня значительно меньше, чем девятнадцатилетняя Сансия. Она, рассказывая, всё время гладила меня по руке. У неё были шикарные кудрявые волосы, прям целая копна, немного проблем с кожей и очень-очень много макияжа. Она была молодой, уже не девочкой, но малоопытной.

- Напрягает всё...
 - Что именно? Встречаться с парнями из Tinder?
 - Не, другое.
 - Например?
 - Ну, все эти люди, с которыми я живу.
- Я невольно посмотрел на группу кариедов, громко лалакающих на малайлам.
- Эти?
 - Всё время издевательства какие-то.
 - Эти?!
 - Да, видишь? Вон тот. Я с ним сейчас снимаю комнату в доме.
 - И как он над тобой издевается?
 - Сложно объяснить...

Меня это поразило, потому что на тот момент я был куплен их всесторонней улыбчивой фальшью. Эти паштетообразные бойцы против дискриминации, оказывается, засмеяли Сансию, потому что она была свободной женщиной.

- Пример приведи. Что говорят?
- Ничего, в том и дело. Но знаешь, смотрят, обсуждают мои свидания.
- Твои свидания?
- Да. Считают меня шлюхой.
- Я тоже тебя считаю...

Сансия засмеялась, пихнула меня в плечо. Мы постоянно обменивались шуточками на грани.

- Нет. Ты знаешь, о чём я.
- О чём?

– Ты понимаешь...

– Нет.

– Ну ты же меня не осуждаешь, на самом деле.

– Fuck, Сансия, за что я тебя не осуждаю? Я понять не могу, о чём ты.

С другой стороны стола пошли разговоры про кокаин, и Хуан заметно помрачнел. К сожалению, Виктория тоже знала о его стране только один факт: Колумбия = кокаин. Хуан жутко не любил эту тему. Я с ним даже не заговаривал о Пабло Эскобаре и наркотиках, у нас в Купчино своих хватало. Мне всегда было интересней узнать про поэтов, писателей из его страны, а вот Виктории был интересен кокаин. Хуану пришлось рассказывать китаянке подробности, немного оправдываясь. Я понимал мужичка, особенно когда услышал фразу: «Колумбийцы не все нюхают кокаин». Отвечая на вопросы про Путина, подобную же фразу приходилось добавлять и мне, иначе относились с подозрением.

– Есть разница, Юджин. Когда ты говоришь и когда они так говорят.

– Слушай, но они же тебе лично этого не говорят.

– Между собой говорят!

– Пока тебе ничего не говорят, то и пофиг.

– Не пофиг. Устала от этого. Fucking Indians.

– Знаешь на сколько странно это звучит от тебя?

– Я правда устала от этого. Они мне не говорят, но за глаза всем рассказывают, какая я шлюха, раз встречаюсь с белыми парнями.

– Может, их бесит, что ты к себе парней водишь?

– Нет, говорю тебе, просто Fucking Indians.

– Да какое им дело, с кем ты ходишь на свидание? Этот парень даже не встречается с тобой. Или встречается?

– Боже, конечно нет. Ты его видел? Чтобы я встречалась с парнем из Индии?!

– Слушай, у меня для тебя один только совет – забей. Если тебе ничего не говорят лично, то пусть сплетничают, как бабы.

– А если скажут?

– Тогда ты ему так и передай, что я сказал, что это не его собачье дело, с кем ты спишь, и пусть идет на хуй.

Сансия заулыбалась и обняла меня.

– Видишь, ты меня не осуждаешь, а для них, если я встречалась с парнем из Tinder, то уже шлюха. Потому что они – Fucking Indians.

– Ты тоже из Индии, Сансия, не обобщай всех. И чего ты ждёшь? Съезжай от них. Тебе не обязательно спрашивать одобрения у идиотов.

– Согласна, блин. Согласна. Я так устала от всего этого в Мумбаи, тут тоже самое.

– Да съезжай от них, тебе говорю. Ты до сих пор живёшь в Мумбаи, в этом проблема. Решай сама за себя. Ты за сколько снимаешь?

– За сто восемьдесят в неделю.

– Shit my pants, Сансия, да чтобы жить с людьми, которые говорят, с кем тебе можно спать, а с кем нет, тебе должны приплачивать сто восемьдесят в неделю.

– Согласна, Юджин. Круто, что ты поддерживаешь меня.

Сансия пошла за кофе. Я обратил внимание, как ребята из Керала, с одним из которых она и делила дом, проводили её взглядом и реально зашушукались. Хуан в это время уже закончил оправдываться за кокаиновую республику. Жалкий инфантильный старичок. Виктория стала рассказывать про свою семью. Неожиданно, без всякой паузы. Про родителей, которые скоро приезжают, про отношения с мужем, про детей. Про то, как отец и муж (которого ей выбрал отец), обсуждают, куда и как ей дальше идти по жизни.

– Ты нашёл уже работу?

- Нет пока.
- Уверена, что скоро возьмут (Виктория все время говорила «for sure»).
- Не знаю. Слушай, можно задать провокационный вопрос?
- For sure!

Она говорила с отличным китайским акцентом, поэтому понять ее было достаточно сложно, но я мог.

– Мы только что с Сансией говорили, как круто решать за себя. Ну знаешь, без оглядки на мам, пап, общество. В Китае вообще есть люди, которые не следуют общим нормам?

– Нормы – это нормально. Все должны чему-то следовать, иначе жить не получится.

– Да, но я немного о другом, Виктория. Например, можешь взять и уйти от семьи, если тебя всё достало? Чисто в теории, может девушка сама выбирать, как жить и что делать?

– Все выбирают сами.

– Хорошо, давай другой пример. Если девушка не хочет жить, как ей предписано родителями, то она может сама выбрать за себя?

– Конечно, мы можем выбирать. Мой отец и муж не решают за меня, что я куплю или одену, я могу с друзьями, видишь, говорить вполне свободно.

– Да не. Я имею в виду, допустим, ты решила жить одна. Карьеру строить, без детей, со всеми вытекающими. Человек волен так делать? Или на него будет общество давить, родители. Я не знаю...

– Никто не давит, зачем? Вообще, зачем от семьи уходить? Это же традиция, мы всё вместе решаем. И зачем без детей? Дети должны быть.

– Понятно. Слушай, а ещё вопрос. Про интернет, свободу слова и прочее. Можно?

– For sure!

– Вы можете, допустим, власть ругать? В интернете или между собой. Вот вы встречаетесь, в гостях или в баре, вы обсуждаете политику?

– Обсуждаем, конечно.

– А сказать в разговоре, ну я не знаю, например: на хуй партию, на хуй правительство. Такое можно или не?

– Можно, наверное. Я таких людей не встречала никогда. Да и зачем так говорить?

– В смысле зачем? Если человек не согласен с политикой партии, если его достали, он может такое сказать или по закону преследуется?

– Интересный вопрос, никогда не задумывалась. Но я же тебе говорю, не встречала людей таких. Да и зачем такое говорить? Наверное, такие есть. Не знаю.

Мы с Хуаном, переглянувшись, сказали ей, что рядом нет агентов китайской полиции и ей за слова ничего не будет, но Виктория хихикнула и, щуря глаза (тут нет сарказма), продолжала отнекиваться:

– Нет-нет, у нас есть несогласные, конечно. Просто я никогда не встречала.

– О политике вообще говорите? Свободы, реформы?

– Не помню такого.

Позже я выяснил, что ровно так поступает не только моя выборка китайцев, а примерно 99 % их популяции. Стоит спросить что-либо о политике партии, как они тут же прикидываются мёртвыми. Рефлекс отточен, ящерицы дохлые.

Поэтому, дорогие читатели, даже не думайте сравнивать Россию и Азию. Дух бунта и анархии у нас в крови. Мы – не рабы, рабы – не мы. Азия – совсем другое.

Думая о Китае, нам кажется, что контроль интернета, суровые законы, цензура – это необходимость тоталитарного режима, чтобы удержать власть, но это не так. Мы опять-таки мыслим в рамках европейской морали. Это в Европе тоталитаризм боится свободы и обороняется от неё жестокими законами. Тоталитаризм в Азии совсем другой, тоталитаризм в Азии ничего не боится, а карает просто так, по привычке. Их тоталитаризм намного страшнее нашего. У нас

всегда есть надежда, ожидание грядущей освободительной войны, тоска по бунту. В Азии же тоталитаризм просто, без жажды свободы, без ожидания борьбы, без надежды. Тоталитаризм там – это образ жизни, так принято, так нормально. Их законы суровы, а власть жестока, но не чтобы запугать революционеров, отнюдь, это просто традиция такая.

Сансия дождалась свой кофе, но ланч к тому времени уже закончился, и пора было возвращаться.

– Я вас догоню!

– Увидимся в классе.

– See you.

Мы с Хуаном и Викторией пошли обратно, колумбиец и китайка на лифте, я по лестнице. Мне хотелось пройти мимо Маниши ещё раз, она и не думала подниматься обратно в аудиторию.

– Тоже с нами пойдёт сегодня?

Я остановился, Маниша просто листала странички соцсетей на телефоне.

– Кто? Виктория или Сансия?

– Сансия.

– Нет, на сегодня только одна Indian lady.

– Хорошо. Это хорошо.

В лёгком мандраже я вернулся к занятиям. Клевало. Подсекать было рано.

* * *

Пока не пригласил Манишу в бар, я был нормальным человеком.

Знаете, как быть нормальным? Это означает беспокоиться о фигне и мечтать о дозволенном. Например, нужно беспокоиться о животе, подросшем за месяц. Стоишь напротив зеркала в ванной, проверяешь, не свисает ли пузо. Потом проверяешь большой ли у тебя член. Профиль. Фас. Снова в профиль. Благодарю, сэр, вы замечательно выглядите. Дозволенные мечты – вторая составляющая нормального человека. Мечтать положено о машине. Крутой. Годам к тридцати, чтобы друзья завидовали.

Я был таким. Правда, был нормальным. И в моих планах не находилось места для тайных интрижек с индианкой после учёбы, но в один вечер я научился мечтать непозволительно свободно для тридцатилетнего. Масштаб волнений возрос. Резко, как будто жизнь лишила девственности, а я только ойкнул (а ведь даже не был пьян, как полагается школьнице). События сгущались. Я смотрел на тягучее время, всё ещё полное рутинных происшествий, но обыденная нормальность начинала всё меньше и меньше интересоваться. Вечером, после бара, мне всё ещё было необходимо купить домой молока, разослать резюме, обсудить планы на иммиграцию с женой, но подвыпившая индианка манила куда больше.

Отчасти поэтому после обеденного перерыва Аниту Графмон слушал только Хуан. Он всё так же старательно записывал за ней. Остальные, даже я, окончательно разочаровались в предмете, легли на столы, некоторые спали. Парень позади нас посапывал, разморило беднягу. Всё верно, Раджа своё отучился. Раджа умный, за здоровьем следит. Он понимает, что после кари пора и честь знать и покемарить часок-другой для лучшего пищеварения.

Маниша с кем-то переписывалась, её подруга (секс-фантазия Хуана) с отсутствующим видом сидела рядом. Я забыл узнать её имя, хоть и обещал Хуану, что приглашу именно китайку. По факту вышло и не плохо, китайка тоже собиралась прийти, но было неловко перед колумбийцем. Я достал телефон и, как полагается свободному мужику, написал жене, узнать, не будет ли она против, если припозднюсь. Я был самостоятельным мужчиной! Поэтому дописал в оправдание: «с ребятами из группы пойдём в бар». Жена, естественно, оказалась не против.

После этого оставалось только ждать вечера, и я извёлся. Не мог дождаться конца учёбы, не мог усидеть на месте, всё думал и думал о индианке. Это было сильным влечением. Я совершенно не знал, что делать с этим чувством. В Новой Зеландии, с изнанки мира, всё оказалось иначе, не так, как завещал Йося. В лампочках в веллингтонской шараге не было ужаса пола, наверное, поэтому моё влечение к Манише не было лишено глагола. И первыми глаголами, точно шагами к ней, были глаголы: пригласить, соврать, обмануть, напиться, поцеловаться, трепетать, отчаяться, забыться, проснуться. Много глаголов ещё ждало меня впереди. Влечение, как акт, сильно отличалось от всего, к чему готовил старый еврейский поэт, а больше учиться страстям мне было и не у кого.

– Ну что, пригласил их?

– Чего?

– Пригласил?

– А, да. Азиаточка твоя тоже пойдёт.

– Она не моя, просто нравится. Как зовут?

– Не спрашивал, сам узнаешь сегодня вечером.

Мой латиноамериканский камрад весь скомкался. Он трусил знакомиться. Я его прекрасно понимал, ведь чем старше мы становимся, тем пугливее в страстях. Мой тридцатилетний товарищ из Колумбии совсем потерял хватку с годами. Я отчасти тоже, но я был возбуждён во всех смыслах слова, прям горел изнутри и тонул во влечении. И если бы мне кинули спасательный круг, то я с радостью бы его трахнул.

Глава пятая, в которой я пью на охоте

Бессмысленным стоял я напротив института. Пары закончились. Вместе с ними и моя бравада. Я не ходил на свидания очень давно, с тех пор как женился. Я пытался исправлять собственные мысли, одергивая: «Это не свидание! Вы просто идёте в бар». Но чувство волнения и лёгкости в языке и ногах говорили об обратном.

Я курил, затягиваясь неглубоко. По лестнице, от института, спускались однокурсники. Некоторых женщин забирали их мужья в тюрбанах, процентов двадцать от общего числа.

Думаете, я преувеличиваю? Думаете, это шовинистическая аллюзия?

Нет, все буквально. Мужья в тюрбанах.

Дело в том, что в регионе Панджаб живут сикхи (это народность такая), а все мужчины их культуры носят на голове полотенца. Я видел, как студентки прыгают в машины к своим благоверным и уносятся прочь от института. Обыденно счастливыми казались они мне в тот момент. Единственное, что смущало, так это почему на электрокарах и в тюрбанах? А чё тогда не на слонах?

К концу моей самокрутки подошли и наши. Во всяком случае те, которых я маркировал, как «наши». Толстячок Хуан, подтянув жирок, о чём-то хихикал с азиаткой. Он дождался компанию Маниши ещё внутри инстита и времени зря не терял, уже во всю болтал со своей целью. Ту китайку звали Инней.

– Угостишь?

– Легко. Это самокрутка.

– Пофигу. Ну, решил куда пойдём?

– Да, недалеко. Ты пиво любишь?

– Я многое люблю, смотря с кем, где и как. В каких, так сказать, позах.

И не стыдно было Манише говорить такое женатому мужчине? Скорее всего – нет. Скорее всего, это мне тогда было немного неловко от такого напора и двусмысленных намёков. В конце концов, мы толком не успели ещё познакомиться и даже не выпили, а Маниша уже перешла черту флирта.

Мы пошли по направлению к бару, болтали. Но вместо разговора и хоть какого-нибудь содержательного общения, я думал о пиздятинке.

Пиздятинка – это ресурс, требующий разработки. Добывается в трусовых месторождениях. Процесс вызревания пиздятинки долог, как правило, тернист, но примерно к шестнадцати годам пиздятинка выглядит обманчиво приемлемо. Это ловушка. Уважаемые пользователи, будьте бдительны, не дайте себя обмануть! Срок вызревания пиздятинки – восемнадцать лет, никак не раньше. В промежутке от восемнадцати до двадцати пяти пиздятинка должна настояться, в ней появляется самое интересное – женственность, а если не появляется, то и трудов не стоит.

Маниша была примерно одного со мной возраста, но я всё равно не был уверен, есть ли в ней та самая женственность или мне только казалось.

Было странно идти на первую тусовку с ней и уже думать о сексе. Я даже за ручку с ней не держался, не знал, нравлюсь ли я ей, но в голове моей брак уже стал тем, что требовалось сохранять. Мы дошли до нужного бара.

– Ladies first.

– Что это значит?

– Значит «after you». Заходи, чего стоишь?

Столов в это время было полно. Бар только открывался. Бармен, мило о чём-то беседовавший с помощницей, мрачно посмотрел на нас, но стоило поймать мой взгляд, тут же приветливо просиял. Корпоративная этика изувечила человека. Мне хотелось вернуться в старые

добрые времена, когда дамы были либо лёгкого поведения, либо падали в обморок при слове «жопа». Во времена, когда бармен, который явно с бодуна, послал бы меня куда подальше, пока не стемнеет и не настанет время бухать, но в моё время корпоративная этика уже истребила настоящих барменов, их больше не осталось.

Я подошёл к отформатированному человеку и заказал всем пива. Стоило это тридцатку, недорого для начала вечера. Поставил Jugs на стол (наподобие графина, в одни Jug вмещается около трех литров).

– Это чё значит?

– В смысле?

– Мы сами можем купить себе выпить.

– Я не сомневаюсь в этом.

– Ну и что ты этим тогда хотел сказать?

Маниша не участвовала во внезапной перепалке между мной и её филиппинской подружкой Айзой, но с интересом наблюдала.

– Ничего. Это пиво. Я угощаю.

– Почему?

– Почему?

– Да, ты нас спросил?

– Тебя это задевает как-то? Не хочешь – не пей.

По итогу, купленное мной пиво пили все, кроме Айзы. Филиппинка оказалось гордой и глупой, а разговоры наши пошли проще. Мы обсуждали мультикультурализм и шарагу, где собрались люди с разных концов земли, что нравилось абсолютно всем. Даже я полюбил мультикультурализм, но не потому что им было принято восхищаться, а из-за правды жизни. Правда заключалась в том, что мультикультурализм – это просто возможность переспать с любым количеством рас, не выезжая из города. Идеология терпимости – только прикрытие. На самом деле, нет никакой толерантности, мы терпимы только к тем, кого хотели бы трахнуть. Видовое разнообразие – сильный инстинкт, пересиливающий ксенофобию. Это и есть тайная причина, почему мультикультурализм так популярен: он предоставляет гостинцы на любую пипиську.

Инней и Хуан трещали не переставая, и я видел, как колумбиец украдкой касается азиатки. До меня долетали обрывки фраз, кажется, Хуан обещал научить Инней латиноамериканским танцам, та кивала, соглашалась на всё и сразу. Пиво давало о себе знать, мы быстро напились, поскольку почти не закусывали.

– Маниша, а чего Айза так взбесилась?

– Не знаю. Спроси её.

– У тебя узнать хочу. Тебя это тоже задевает?

– Нет. Вернее, я думаю, что нет.

– Ты думаешь, что нет?

– Ну смотри. Ты считаешь на что-то взамен?

– В каком смысле?

– Видишь, поэтому я и пью! Пойми, в наших культурах мужчины тоже подарки делают, но потом они становятся, как бы сказать, настойчивыми. Понимаешь?

– Ах это. Я не по этой части, просто угостил в баре.

– Да, но ведь только парней ты бы не угощал?

– Я на всех купил. И на парней тоже.

– А если бы девушек тут не было?

– Тогда нет.

– Видишь, подтекст есть.

– Нет, Маниша, нету.

- Как же нет, если парней ты бы не поил за свой счёт?
- Нет, но я ничего взамен не жду и от девушки.
- У нас в Индии ждут.
- Мы не в Индии. Я не из Индии.
- Да, это видно.
- Come on, я же русский. Покупать девушку за пиво – дёшево. Я бы платил дороже.
- Дороже? Насколько?
- Как минимум водка, Маниша. Как минимум.

Мы улыбались друг другу, и я вдруг понял, что это даже не курортный роман. Дела обстояли куда хуже. Курортный роман или невинный секс-туризм – нормально для женатого мужчины. Представьте: вы разменяли третий десяток, ваши друзья уже все женаты, обзавелись спиногрызами и потеряли всякий интерес к жизни. Секс-туризм в такой ситуации – не грех. Ну слетаете вы в Таиланд без жён, пообещав «чисто мужской отпуск». Ну оттрахаете пару шлюх, а кто-то снимет транссексуала, делая вид, будто не знал заранее. Потом все вернётесь домой, займёте денег, чтобы вылечить проклятый триппер, и конец. Вот вам и весь секс-туризм, ничего страшного. Нормально.

Но в моём случае ничего нормального не осталось. Я смотрел на её пальцы, кожу, губы, грудь, её ноги. «И что я потом буду говорить жене? Боже, какая же Маниша крутая, не такая, как остальные сучки». – Я знал, что подобные мысли на первой встрече в баре – верный признак глубокого помешательства, но меня влекла та индианка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.